

Кружилов, 2017 – *Кружилов С. И.* Когнитивные основы системной парадигмы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 7. № 8. С. 24–31.

Курцвейл, 2020 – *Курцвейл Р.* Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации. М.: Эксмо, 2020. 448 с.

Лурия, 2021 – *Лурия А. Р.* Язык и сознание. СПб.: Питер, 2021. 448 с.

Матурана, Варела, 2019 – *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Урсс-Ленанд, 2019. 320 с.

Оконская, Брылина, Симанова, 2020 – *Оконская Н. К., Брылина И. В., Симанова Н. А.* Современные когнитивные науки и проблема происхождения сознания // Новые идеи в философии. 2020. № 7 (28). С. 87-93.

Павлов, 2022 – *Павлов И. П.* Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности. М.: ЛЕНАНД, 2022. 256 с.

Попкова, 2014 – *Попкова Н. В.* Философия техносферы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 344 с.

Романчук, 2021 – *Романчук Н. П.* Мозг Homo sapiens XXI века: нейрофизиологические, нейроэкономические и нейросоциальные механизмы принятия решений // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 9. С. 228-270.

Рубинштейн, 2022 – *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Издательство АСТ, 2022. 400 с.

Сеунг, 2018 – *Сеунг С.* Коннектом. Как мозг делает нас тем, что мы есть. М.: Лаборатория знаний, 2018. 440 с.

Сеченов, 2022 – *Сеченов И. М.* Элементы мысли: Впечатления и действительность: Исследование психики человека и ее взаимосвязи с внешним миром. М.: Книжный дом «Либроком», 2022. 224 с.

Чалмерс, 2019 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2019. 512 с.

Simons, Garrison, Johnson, 2017 – *Simons J. S, Garrison J. R., Johnson M. K.* Brain Mechanisms of Reality Monitoring. Trends Cogn Sci. 2017. Vol. 21, N 6. P. 462–473.

Snow, Culham, 2021 – *Snow J. C., Culham J. C.* The Treachery of Images: How Realism Influences Brain and Behavior. Trends Cogn Sci. 2021. Vol. 25. N 6. P. 506–519.

УДК 167.1/168.522

Налетов Ю. А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

**Аксиология науки: от научного нигилизма к «переизбытку»
ответственности**

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-43-54

В статье рассматриваются актуальные проблемы аксиологических оснований научного знания. Утверждается, что ключевой проблемой этики и аксиологии науки является проблема оценки, то есть вопрос о стандартах, определяющих оценочные суждения. Современная философия науки постепенно отказывается от постулата о безоценочном характере научного знания (научный нигилизм). В статье анализируются основные положения критики научного нигилизма как в логико-гносеологическом, так и социально-этическом плане.

В современную кризисную эпоху уместным является обращение к экзистенциальной философской традиции, автором предпринимается попытка анализа этики и аксиологии науки в контексте экзистенциальной аналитики. Обращается внимание на эвристическую и аксиологическую значимость антиценностей, в этом контексте неожиданное этическое наполнение обретает экзистенциальный страх, превращаясь в подлинный этический принцип.

Ключевые слова: *ценности и антиценности науки, научный нигилизм, дескриптивные и прескриптивные выражения, ответственность ученых, экзистенциальная аксиология, эвристика страха.*

Naletov Yu. A.,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science,
Orel State University named after I. S. Turgenev*

The Axiology of Science: from Scientific Nihilism to an "Overabundance" of Responsibility

The article discusses the actual problems of the axiological foundations of scientific knowledge. It is argued that the key problem of ethics and axiology of science is the problem of evaluation, that is, the question of standards that determine value judgments. Modern philosophy of science is gradually abandoning the postulate of the non-evaluative nature of scientific knowledge (scientific nihilism). The article analyzes the main points of criticism of scientific nihilism both logically and epistemologically, and socially and ethically.

In the modern era of crisis, it is appropriate to turn to the existential philosophical tradition. The author attempts to analyze the ethics and axiology of science in the context of existential analytics. Attention is drawn to the heuristic and axiological significance of anti-values; in this context, an unexpected ethical content acquires existential fear, turning into a genuine ethical principle.

Keywords: *values and anti-values of science, scientific nihilism, descriptive and prescriptive expressions, responsibility of scientists, existential axiology, heuristics of fear.*

Понятие ценности в философском словаре описывается «как специфические определения объектов мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека или общества». Внешне ценности выступают как свойства предметов, «однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому что он вовлечен в сферу общественного бытия человека и стал носителем определенных социальных отношений» [Философский, 1989: 407]. Другими словами, ценностное представление раскрывается через отношение значимости к какому-либо субъекту (человеку). Объекты не могут выступать друг к другу в качестве значимых, ценных. Ценностное видение свойственно человеку от рождения, он всегда воспринимает вещи не нейтрально отстраненно, но с точки зрения их значимости для себя и общества. Он, зачастую, подсознательно делит вещи и явления на полезные и вредные, красивые и безобразные, хорошие и плохие. «Ценности, – рассуждает М. А. Розов, – существуют прежде всего в форме практической реализации образцов предпочтения, выбора, оценки. Это исходный способ их существования» [Розов, 1987: 9].

Как известно, в новоевропейской науке со времен Д. Юма сложилась традиция противопоставления истинностного и ценностного отношения мысли к действительности. Юм разводит сущее и должное на уровне онтологии и семантики: из оценочных суждений, построенных на связке «должен», невозможно вывести фактуальные суждения (формулируются со связкой «есть»), и, наоборот, из фактуальных описаний невозможно логически вывести аксиологические утверждения. Идея строгого разделения сущего и должного была закреплена в кантианской классификации познавательных способностей человека: 1) теоретический разум, который организует в некое единство познавательный опыт; 2) практический разум, ориентирующийся на моральный закон. Радикальное отделение мира действительности от мира ценностей произошло в философии Г. Риккерта (баденская школа). Мир действительности существует, а мир ценностей не существует, но – значит. Мир действительности исследует естествознание, а мир ценностей – гуманитарные науки.

В позитивизме, конвенционализме (Э. Мах, Р. Авенариус, П. Дюгем, А. Пуанкаре, Р. Карнап) постулируется идея, что научное знание, основывающееся на объективно-фактуальных утверждениях, следовательно, должно быть максимально свободным как от оценочных суждений, так и метафизических («теоретических») понятий. Таким образом утверждается, что наука ценностно нейтральна, не имеет каких-либо аксиологических оснований (научный нигилизм). Более того, предпринимались попытки «очистить» от аксиологии и гуманитарное знание. М. Вебер считал, что обретение социологией и экономикой подлинного научного статуса возможно только на пути к полной элиминации из этих наук оценочных суждений и понятий, также это позволит

очистить научное гуманитарное знание от субъективных пристрастий и установок [Вебер, 1990: 383, 595].

В современном науковедении постулат о безоценочном характере науки связывают с той революцией в понимании человека и мира, которая произошла в эпоху Нового времени, когда в классическом естествознании восторжествовала инструментальная установка по отношению как к окружающему миру (внешней природе), так и внутренней природе человека. Инструментальная установка, в конечном счете, превратила разум в инструмент господства, а как же иначе, если «знание – сила». Данная философская максима имеет и обратную логику – «сила есть знание». Это означает, что истинность знания оценивается только через закономерно воспроизводимый эффект (эксперимент). Последний представляет собой некую машинообразную схему, в которую загоняется фрагмент реальности. В конечном счете, мы получаем однозначно трактуемую, параметризуемую, математизируемую картину мира, связанную жёстким механизмом неумолимых физических законов. В этих условиях все «человеческое» содержание знания, привязанное к человеческим переживаниям, ценностям, элиминируется, тем самым предполагалось, что научное знание, чисто объективное содержание, освобождается от субъективных искажений, «идолов пещеры, рынка, театра». «Здесь, – рассуждает Л. В. Фесенкова, – реализуется стремление к исключению ценностных и субъективных факторов из естественнонаучной теории. Субъект отделяется от исследуемого объекта и стремится, чтобы его интересы, нормы и оценки никак не воздействовали на его исследование и чтобы полученный результат показал действительное положение вещей, не «подтянутое» искусственно к интересам исследующего, не искаженное невольно даже его положением в природе как человеческого существа (не говоря уже о его положении в определенном этносе, нации, классе)» [Фесенкова, 2003: 11]. Требование элиминации субъекта, выведение его стремлений, оценок «за скобки» лежит в основании эмпирического и экспериментального метода классического естествознания. Субъектом познания является не живой человек, а абсолютный «вненаходимый» наблюдатель, следовательно, чистая научная эпистемология, по утверждению того же К. Поппера, возможна вообще «без познающего субъекта», что является условием ее объективного характера [Поппер, 2002: 108-150]. Таким образом, в классическом естествознании восторжествовала идея абсолютного наблюдателя, предполагающая отстранённость субъекта от предмета познания, вынесение должного, всех оценочных суждений за пределы научного дискурса. Следует отметить, что институт массового образования сделал этот абстрактный подход повсеместным, предполагалось, что только так можно увидеть мир таким, «как он есть на самом деле». В результате, инструментальная установка стала господствующей ориентацией человека по отношению к реальности вообще. Властные стратегии стали господствовать в обществе, экономике, семье; безусловно, данный феномен является исходной причиной появления многих деструктивных явлений в жизни человека и общества.

Как известно, в XX веке в философии науки происходит постепенный отказ от постулатов классического научного объективизма. Революция в физике начала века потребовала вернуть субъекта в структуру эксперимента, поскольку выяснилось, что элементарные частицы не познаются «сами по себе», но исследуются посредством сложного эмпирического и теоретического соотнесения с процедурами измерения. Неклассическая физика утверждает, что познание осуществляется с учетом позиции наблюдателя, субъекта познания, включая данные научного инструментария. «Предметом исследования, – пишет В. Гейзенберг, – является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она принадлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречается самого себя», и далее: «...речь, по сути дела, идет не о картине природы, а о картине наших отношений к природе» [Гейзенберг, 1987: 301]. Таким образом, «вопрошающее» содержание науки, по выражению Б. Г. Кузнецова, сливается с ее «преображающим» содержанием [Кузнецов, 1983: 22], природа как бы «втянута в горнило человеческой деятельности и человеческих взаимоотношений и не может быть осмыслена вне этих отношений» [Карпинская, Лисеев, 1995: 77].

Также важным достижением науковедческого знания стало понимание того, что построить «эпистемологию без познающего субъекта» невозможно. Функционирование теории познания, ориентированной на идеал объективно-безличного знания, оказалось нереализуемым. Личностная, ценностная компонента всегда присутствует в научном знании, даже если она и не осознается. Более того, наука открыта для воздействия вненаучного знания (религиозных, политических доктрин и пр.). Как выяснилось, классические естественнонаучные теории базировались на постулатах герметизма, религиозной и политической догматики. Стоит прочесть «Дао физики» Ф. Капра, и приходит понимание, что и неклассическая физика не свободна от подобного влияния. Как утверждает К. Поланьи, объективность научного знания не может быть достигнута через радикальное противопоставление субъективного и объективного в познания. В человеческом знании (в том числе научном) всегда присутствует личностная составляющая, без которой акт познания просто невозможен. Если уйти от бесплодных абстракций, позволяющих «строго» разграничивать субъективную и объективную компоненту знания, то можно прийти к выводу, что подлинное знание – это «личностное знание». Как указывает К. Поланьи, «в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности... и эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания» [Полани, 1985: 19]. Подобная трактовка познавательной деятельности человека опиралась на альтернативную по отношению к позитивизму философскую традицию (феноменология, неокантианство, прагматизм), для которой характерно представление об активности человеческого разума, содержащего в себе в некотором единстве когнитивную, конструктивную, эмоционально-волевою компоненты познавательной деятельности.

Даже поверхностное изучение истории науки показывает, что рост и развитие научного знания не могут быть описаны в виде работы логического автомата по бесконечному эксплицированию некоторых изначальных аксиом и положений, но представляют собой драматический процесс, ключевыми компонентами которого являются эмоционально-волевой и этико-аксиологический аспекты познания. Полная логическая формализация научного знания невозможна, любое научное понимание базируется на акте идеации – восхождении разума от чувственных констатаций к усмотрению сущности. Как утверждает Б. Г. Кузнецов, в науке нет «очевидных, непосредственно данных, чисто эмпирических констатаций», из которых логически необходимым образом выводится закон и вся теоретическая конструкция. Переход от эмпирических констатаций к усмотрению сущности предполагает преодоление некоторого разрыва. Тем самым, этот переход представляет собой познавательный, волевой акт личности, в котором происходит «интервенция прошлого и будущего в настоящее» [Кузнецов, 2009: 9, 14]. Следует отметить, что акт идеации опирается на универсалии, нормы, стереотипы мышления, тем самым обретая характерную для оценочных суждений структуру. Это значит, что только в абстракции, логическом схематизме можно разделить истинностную компоненту познавательного акта от оценочной. В реальности активный, живой разум в неразрывном единстве познает, преобразует и оценивает действительность. «В основе такой новой трактовки лежит гносеологическое представление об активности разума. Если деятельность разума сводится к простому суммированию и систематизации локальных здесь-и-теперь впечатлений или к конкретизации универсалий без их модификации, накопление истин не может выйти за пределы сущего и познание не может приобрести ценности и вторгнуться в область должного... Но если эмпирическое постижение локального бытия и логическое вовлечение прошлого и будущего в настоящее это – неотделимые и в сущности тождественные функции разума, если разум постигает бытие, вторгаясь в него, и только в подобном вторжении видит гарантию достоверности познания истины, тогда познание уже не может отгородиться от воли, эмоций, морали от ценностей. Неклассическая наука, сочетая в одном фарватере изучение космоса и изучение элементарных частиц, сделала явным ценностный эффект познания мира активным и творящим разумом» [Кузнецов, 2009: 11]. Таким образом, человеческое познание как целерациональная деятельность обладает очевидным ценностно-ориентирующим содержанием. «В гносеологическом плане цель ценностна в своей основе, так как выражает возможность выбора субъектом направления деятельности, средств достижения поставленных целей, допускает различные мотивационные предпочтения, а не обусловлена жесткими причинно-следственными связями» [Сергейчик, 2002: 455].

Очевидно, что сущность человеческого познания не может быть исчерпана своим объективным содержанием, познание также есть некоторый выбор, волевой акт, демонстрирующий заинтересованность, имеющий цель, ценностно-ориентированный, одним словом – поступок, который по своей природе

необратим, чреват последствиями, а значит предполагает ответственность. Как утверждал М.М. Бахтин, вся активность личности, в том числе и познание, есть поступок или «сплошное поступление». Познание, сознание личности актуализируется в «действительном акте-поступке, включенном в единственное событие бытия» [Бахтин, 1986: 91]. Таким образом, познавательная активность, сознание всегда есть самоопределение личности, оно целесообразно, ценностно-ориентированно. Как писал М.К. Мамардашвили, «сознание – по определению, моральное явление» [Мамардашвили, 1992: 78]. Исходя из этого, можно даже утверждать, что ответственность первична по отношению к разуму и когнитивному: «весь теоретический разум только момент практического разума, то есть разума нравственной ориентации единственного субъекта в событии единственного бытия» [Бахтин, 1986: 91]. Таким образом, познание, в том числе научное, всегда некоторым образом соотносено с миром ценностей, следовательно, научная картина мира обретает человекомерность, антропность, и мир должного перекликается с миром сущего.

Оригинальную трактовку проблемы соотношения оценочного и истинностного в научном знании представил в своих исследованиях А. А. Ивин. По его мнению, разделение сущего и должного имеет скорее методологический характер, и проявляется оно в некоторой установке познания, для которого свойственно «пассивное» отношение мысли к действительности. Подобное теоретическое, отстраненное, несколько созерцательное отношение к действительности акцентировано на «приведение» мысли в соответствие с действительностью, данная позиция предполагает абстрагирование от ценностного содержания. Для «активного» же отношения мысли к действительности исходным пунктом познания является мысль, действительность здесь следует «привести в соответствие» с мыслью [Ивин, 2005: 327-328]. Поэтому, например, платоновская философия, для которой характерно постоянное спекулятивное сопоставление окружающей действительности с миром первообразов, представляет собой в первую очередь оценочное знание. В свою очередь, аристотелизм в большей степени акцентирован на познание истины, а не оценивание окружающей действительности. Конечно, данные типы позиционирования в системе мысль/действительность – это некоторая абстракция, и в «чистом» виде в научном знании они почти не встречаются. Эти подходы взаимодополнительны, на них опирается диалектика научного познания в ее движении от мысли к действительности и от действительности к мысли. В «пассивной» позиции разум созерцает истину, в «активной» – сопоставляет ее с определенными нормами, устоявшимися стандартами, то есть оценивает. Это означает, что всякое знание, в том числе научное, включает в себя и оценочное содержание, пусть в неявной, скрытой форме. Чисто описательные и чисто оценочные высказывания редки. «Гораздо более употребительны двойственные, описательно-оценочные (дескриптивно-прескриптивные) выражения /.../ нередко даже знание ситуации не позволяет с уверенностью сказать, какую из этих функций выполняет рассматриваемое высказывание» [Ивин, 2005: 333].

Весь теоретический каркас естествознания, от положений дарвинизма до законов сохранения, представляет собой описательно-оценочные высказывания. В явной прескриптивной форме построены словари, справочники, схемы, модели. Более того, описательно-оценочными являются практически все естественнонаучные законы. «Научные законы не вытекают логически из фактов, но это не означает, что опыт для них безразличен. Переход от эмпирического описания к закону не является логическим выводом, это всегда скачок в неизвестность, связанный с тем, что закон имеет двойственное, описательно-оценочное, значение. Закон не только обобщает известные факты, но и выступает критерием оценки новых фактов и других законов» [Ивин, 2005: 376].

Следует отметить, что многие фундаментальные принципы, законы физики, сформулированы в форме акцентуированного высказывания, в котором указывается, что определенный класс объектов «должен обладать» (или не обладать) некоторыми свойствами. К таковым относят «запреты термодинамики», принцип Ферма, все экстремальные или вариационные принципы. Экстремальные принципы обладают беспрецедентной эвристической и обобщающей силой, по мнению Р. Фейнмана, вариационные принципы лежат в основании теоретической физики, остальные законы в том или ином виде можно вывести из положений этих принципов.

Итак, элиминировать оценочное содержание из естествознания невозможно. Научное познание, объяснение, понимание осуществляются, исходя из системы теоретических представлений, научных идеалов, норм, ценностей. Это значит, что в научном объяснении или понимании разделить истинностные и оценочные компоненты можно лишь в абстракции, в реальности они одновременны и составляют единый целостный познавательный акт.

В современной философии науки также утверждается эвристическая роль аксиологических регулятивов в научном знании. В постпозитивизме, в работах Т. Куна, И. Лакатоса, отмечается эвристическая значимость образцов теоретизирования (парадигма, методологические регулятивные принципы) для роста научного знания. Однако, вслед за К. Поппером утверждается, что следует избегать присутствия оценочных суждений в самой содержательной части научных теорий, данные суждения должны использоваться при философской интерпретации или социальной оценке знания. При этом вненаучные ценности должны быть элиминированы из ткани науки. Требованиям данного императива в целом придерживались также Р. Мертон и Х. Лэйси. Справедливости ради, еще Поппер с горечью утверждал, что в реальности «практически невозможно изгнать вненаучные ценности из научной деятельности /.../ Объективный и “свободный от ценностей ученый” не является идеалом ученого. Без страсти мы не можем достигнуть ничего – и уже конечно не в чистой науке» [Поппер, 2000: 306-307]. Как показывает практика, данное ограничение почти не работает. В оценочное содержание научного знания входят не только методологические принципы, запреты, онтологические допущения, но и ценности этического плана (идеалы истины, гармонии природы и т.д.). Как пишет Л. Лаудан: «Аксиология,

методология и фактуальные утверждения с неизбежностью переплетаются в отношениях взаимной зависимости» [Лаудан, 2006: 226].

Сегодня на фоне глобального социально-экологического и политико-экономического кризиса, который грозит перерасти в подлинную катастрофу, все большую актуальность приобретает экзистенциальная трактовка этики и аксиологии науки, представленная в работах М. Хайдеггера и Ганса Йонаса. На фоне апокалиптических ожиданий проблема моральной оценки, ответственности науки, перестает быть спекулятивной (логико-семантической), но обретает подлинное экзистенциальное содержание. Более того, достижения науки и техники переформируют само этическое знание, происходит пересмотр категорий, подлинная «переоценка» концептуального аппарата этики. Результатом этой «переоценки» стало переосмысление основных этических категорий, а также новое понимание аксиологии науки, соотношения должного и сущего и пр.

Современная жизнь радикально усложнилась, следовательно, человек вынужден учитывать и отдаленные эффекты своей деятельности. В этой связи, возрастает когнитивная, интеллектуальная компонента этики, растет рациональная «нагруженность» морального поведения (моральная значимость знания). Человек сталкивается с очень сложными проблемами, современный мир живет в логике нелинейности и эмерджентной взрывной трансформации. В ситуации современности традиционные человеческие грехи (эгоизм, гордыня и т.п.) безусловно сохраняют свою вечную актуальность, но должны быть дополнены глупостью и некомпетентностью. Во все усложняющемся мире, зачастую, причиной деградации или даже катастроф оказывается невежество и узость мышления. «Это больше чем преступление, это ошибка». В этой ситуации, обыватель не способен учесть многочисленные последствия своих действий, не говоря уже о предвидении результатов деятельности крупных социальных структур (корпорации, государства). Всесторонняя экспертиза той или иной проблемы ложится на плечи науки, именно научные группы, лаборатории фактически вырабатывают алгоритмы решений, которым в дальнейшем следуют корпорации и правительства. Только науке под силу предсказать, оценить долговременные последствия тех или иных действий, однако это предполагает, что ученый, научное сообщество в целом, несут ответственность за соответствующие решения. Более того, ответственность ученых в данном случае превосходит ответственность правительств, поскольку только науке под силу осознать вызовы, связанные с той или иной проблемой. Полное делегирование ответственности от науки государству, которое наблюдается в современной общественной жизни, не приемлемо. Этический разум подсказывает нам, что в случае трудноразрешимых («наукоемких») проблем ответственность должен нести в первую очередь не тот, кто действует, а тот, кто в полной мере осознает последствия этих действий. Причем ответственность науки актуализируется не только в случае подготовки рекомендаций для сильных мира сего. Любое научное исследование может нести в себе ростки будущих кризисов и катастроф. И зачастую, только творец

(коллективный творец – группа ученых) в состоянии оценить последствия своих открытий, а, следовательно, и принимать решения о судьбе плодов своего творчества.

Со времен Галилея практически все ученые-первооткрыватели были преисполнены оптимистическими чувствами в отношении своих открытий. Любое научное открытие рассматривалось как безусловное благо. А как иначе? Для любого подлинного ученого его научное достижение – это его дитя, которое должно жить и развиваться. Однако современность указывает на ограниченность подобной позитивной установки в отношении научных открытий. Не всякое «дитя» науки имеет право на жизнь, некоторые могут быть просто опасны. Современный исследователь может оказаться в ситуации, когда долг потребует от него отказаться от некоторых исследований или законсервировать их. Это мучительная дилемма для исследователя, причем перекалывание ответственности на государство и общественные институты здесь, зачастую, невозможно. Тем самым, ученый сталкивается с ситуацией «переизбытка» ответственности. Пожалуй, впервые с подобной моральной дилеммой столкнулись ученые-атомщики, когда осознали, что их открытия легли в основу производства ядерного оружия.

Сегодня, когда в «пограничном состоянии» оказывается все человечество, продуктивным является реабилитация негативной аксиологии. Зачастую обществу проще ориентироваться не на ценности (благо, добро и т.д.), а на антиценности. Представления о добре, благе могут сильно различаться, но понимание зла предстает более отчетливым. Люди смутно представляют, что они хотят, но отчетливо понимают, чего нужно избегать (смерть, война, экологическая катастрофа и т.д.). Более того, этика будущего, как указывает Йонас, должна включать в себя в качестве своего важнейшего принципа страх и заботу о будущем, она должна стать основой футурологии предостережений. Страх – это компас новой этики («эвристика страха»), причем страх не перед обстоятельствами и силами природы, а страх перед роковыми последствиями собственных действий. «Поэтому страх становится необходимым элементом ответственности, и даже источником долженствования» [Гаджикурбанова, 2003: 167]. Следует отметить, что страх понимается не как аффект, страсть, а в хайдеггеровском смысле, в качестве онтологического переживания, экзистенциала. В экзистенциальной трактовке страх, забота и другие экзистенциалы, понимаются как формы позиционирования человека, мировоззренческие конструкции, объединяющие в себе когнитивное и ценностное, абсолютное и повседневное.

Эвристика страха, экзистенциальная онтология в целом указывают путь преодоления раскола ценностного и фактуального, сущего и должного. Дело в том, что понимание сущего как свободного от ценностей базируется на определенной метафизике расколотого бытия: «отделение бытия от должного, уже отражает определенную метафизику» [Jonas, 1987: 91]. Бытие новоевропейской эпохи – это конструкт, заимствованный из классического естествознания, результат действия инструментальной установки на тотальное

отчуждение, механизацию сущего. Таким образом, положения научного нигилизма тавтологичны, поскольку понимание бытия как «свободного от ценностей» является «результатом уже проведенной интерпретативной работы по нейтрализации ценностей» [Гаджикурбанова, 2003: 175].

Новая этика и аксиология науки, по мнению Йонаса, должна базироваться на представлении о единой природе, «содержащей имманентные ей цели, и в силу этого обладающей внутренней ценностью, не зависящей от субъективного произвола человека» [Гаджикурбанова, 2003: 175]. Экзистенциальная онтология содержит в себе ценностное начало. Эта онтология временная («время ничтожит»), противостоящее ничто. «В каждой цели бытие утверждает себя в противоположность ничто. Против этого утверждения бытия нет контрутверждения, так как даже отрицание бытия предполагает интерес и цель. Простой факт, что бытие не индифферентно в отношении себя самого, делает его отличие от небытия основной ценностью всех ценностей, первым утверждением вообще» [Jonas, 1987: 153]. Таким образом, в экзистенциальной аксиологии «бытие является и объектом ответственности, и той инстанцией, которая возлагает на него ответственность, ответственность за и ответственность перед практически совпадают» [Jonas, 1987: 153].

Ответственность экзистенциальной личности – это ответственность перед собой, Другим, природой, ответственность за преходящее в своей конечности, требование сохранить то, чему угрожает гибель, то, что без усилий человека превратится в небытие. Экзистенциальный страх это не только страх ничто, но и страх за что-то и за Другого, за природный порядок. Страх становится этическим принципом, обеспечивающим единство человечества, остро осознающим свою уязвимость и хрупкость: «боязнь за Другого является – или может быть – подлинным способом со-бытия с Другим на основе мира» [Хайдеггер, 1998: 304].

Таким образом, в контексте экзистенциальной онтологии этика и аксиология науки получают новое прочтение. Научный нигилизм трактуется как заблуждение, как компонент ушедшей в прошлое научной идеологии классического естествознания. Знание не свободно от ценностей, более того, знание (особенно знание последствий) само является безусловной ценностью, поскольку обеспечивает утверждение бытия этого хрупкого, неустойчивого мира. При этом степень ответственности ученого, понимающего, знающего последствия, превосходит ответственность обывателя и властных институтов. Ценность бытия как принципиально хрупкого и уходящего наполняет этическим смыслом знание и действия исследователя. Так образуется новое смысловое поле этики и аксиологии науки. Страх, трепет за Другого, причем не только сосуществующего, но и еще не родившегося, страх за сохранность культурной и природной целостности становится основой личной и коллективной ответственности, ядром морального долга человека и ученого.

Список литературы

- Бахтин, 1986 – *Бахтин, М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-85 гг. М.: Наука, 1986. С. 80-138.
- Вебер, 1990 – *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Гаджикурбанова, 2003 – *Гаджикурбанова П. А.* Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 2003. С. 150-166.
- Гейзенберг, 1987 – *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 366 с.
- Ивин, 2005 – *Ивин А. А.* Современная философия науки. М.: Высшая школа, 2005. 592 с.
- Карпинская, Лисеев, 1995 – *Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П.* Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.
- Кузнецов, 1983 – *Кузнецов Б.Г.* Идеалы современной науки. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Кузнецов, 2009 – *Кузнецов Б. Г.* Ценность познания. Очерки современной теории науки. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 168 с.
- Лайдан, 2006 – *Лаудан Л.* Наука и ценности // Современная философия науки. М.: Логос, 2006. С. 295-342.
- Мамардашвили, 1992 – *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 414 с.
- Полани, 1985 – *Полани К.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Поппер, 2000 – *Поппер К.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 298-313.
- Поппер, 2002 – *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
- Розов, 1987 – *Розов М. А.* Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6-14.
- Сергейчик, 2002 – *Сергейчик Е.М.* Философия истории. СПб.: Лань, 2002. 608 с.
- Фесенкова, 2003 – *Фесенкова Л. В.* Теория эволюции и ее отражение в культуре. М.: ИФ РАН, 2003. 174 с.
- Философский словарь, 1989 – *Философский словарь* // Под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1989. 444 с.
- Хайдеггер, 1998 – *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
- Jonas, 1987 – *Jonas H.* Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik f r die technologische Zivilisation. Zrich, 1987.